

На правах рукописи

Галян Софья Витальевна

ДЕРЖАВИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЛИРИКЕ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2014

Работа выполнена на кафедре филологического образования и журналистики Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет»

*Научный
руководитель:* доктор филологических наук, доцент
Ларкович Дмитрий Владимирович

*Официальные
оппоненты:* **Алпатова Татьяна Александровна,**
доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ
ВПО «Московский государственный областной
университет», профессор кафедры русской
классической литературы
Коноплева Екатерина Александровна,
кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ
ВПО «Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина», доцент
кафедры русской литературы

*Ведущая
организация:* ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный
университет», г. Петрозаводск

Защита диссертации состоится «26» июня 2014 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» и на сайте ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://dissovet.science.urfu.ru/news2/>

Автореферат разослан «____» апреля 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

Е.Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Вот уже более полутора столетий не ослабевает интерес литературоведов к изучению художественного наследия Тютчева. Проблемам тютчеведения посвящены работы крупнейших отечественных учёных (Д.Д. Благого, Б.Я. Бухштаба, В.Н. Касаткиной, В.В. Кожина, Г.Б. Курляндской, Ю.М. Лотмана, А.Л. Осповата, К.В. Пигарева, Л.В. Пумпянского, В.Н. Сузи, В.Н. Топорова, Ю.Н. Тынянова и др.).

Формирование авторского сознания Тютчева-лирика явилось следствием его творческого диалога с художниками предшествующих эпох и современниками. Творчество Тютчева как литературный «факт» не только живет на границах многих культурных и историко-литературных пластов (античности, немецкой классической философии и литературы, русской литературы XVIII века, современной поэту русской и европейской литературы), но и расширяет эти границы, поскольку проявляет самые важные, существенные черты этих культурных систем. Важнейшая задача современного тютчеведения, таким образом, – продолжение изучения ближних и дальних контекстов творчества поэта.

Вектор настоящей работы направлен от сущностных черт художественной системы Тютчева к выявлению творческих связей поэта с предшественниками и современниками, повлиявшими на формирование этой системы, что позволяет не только лучше понять соотносительность конкретного текста с традицией, но и выявить черты поэтической индивидуальности.

Архаизм тютчевской лексики, одические интонации его лирики позволили Ю.Н. Тынянову причислить поэта к авторам, ориентирующимся в своем творчестве на традиции XVIII века¹. Исследовательский интерес к проблеме «Тютчев и XVIII век» не ослабевает до сих пор, что нашло отражение в работах

¹ Тынянов Ю.Н. Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 40.

Т.А. Алпатовой, А.Д. Григорьевой, В.В. Кожина, Е.А. Маймина, Ю.И. Минералова, А.В. Чичерина¹ и др.

Особое место в ряду поэтов, оказавших влияние на формирование авторского сознания Тютчева, занимает Г.Р. Державин, который был ключевой фигурой в русской литературе рубежа веков, поскольку его творчество стало стимулом для формирования индивидуальных авторских систем многих поэтов XIX века. Имеются специальные исследования, посвященные державинской традиции в творчестве А.С. Пушкина, Н.М. Языкова, поэтов Серебряного века и т.д. На этом фоне, несмотря на известный факт влияния Державина на художественную систему лирики Тютчева, фундаментальных работ, в которых системно и целенаправленно осмысливался бы данный вопрос, отражающей один из важнейших аспектов истории русской литературы первой половины XIX столетия, в тютчеведении нет. Необходимостью в таком исследовании, которое определило бы роль державинского контекста в лирике Тютчева, и определяется **актуальность** настоящей работы.

Объектом исследования является державинская традиция как художественный феномен, оказавший существенное влияние на лирическую поэзию Ф.И. Тютчева.

Предмет изучения – лирика Тютчева как диалогически открытая художественная система, органично вобравшая и оригинально преобразившая поэтический опыт Державина.

Цель диссертационной работы – выявление содержания, форм и художественных принципов бытования державинской традиции в лирической поэзии Ф.И. Тютчева.

Поставленная цель предполагает решение ряда конкретных **задач**:

¹ Алпатова Т.А. Ф.И. Тютчев и русская литература XVIII – начала XIX вв. // Ф.И. Тютчев: шк. энцикл. словарь. М.: Просвещение, 2004. С 296–303; Григорьева А.Д. Слово в поэзии Тютчева. М.: Наука, 1980. С. 222–230; Маймин Е.А. Державинские традиции и философская поэзия 20–30-х годов XIX столетия // XVIII век. Сборник 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. Л.: Наука, 1969. С. 127–143; Минералов Ю.И. История русской литературы XVIII века: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2007. С. 168, 178.

1. Определить конституирующие признаки державинской традиции как художественного феномена русской литературы XIX века.
2. Обозначить аспекты формирования авторского сознания Тютчева в контексте державинской традиции.
3. Охарактеризовать формы и содержание тютчевской творческой рецепции феномена авторского жанротворчества Державина.
4. Выявить признаки державинского влияния на стилевую палитру лирики Тютчева.
5. Описать формы опосредования державинской традиции в художественной системе Тютчева.

Для решения данных задач в работе применяются следующие **методы исследования**: сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, историко-культурный и биографический.

Теоретической основой диссертации являются труды А.Н. Веселовского, Ю.М. Лотмана, В.В. Кожинова, К.В. Пигарева, Л.В. Пумпянского, Ю.В. Стенника, Ю.Н. Тынянова, в которых лирика Тютчева рассматривается в контексте процессов, происходящих в русской и мировой литературе XVIII – первой половины XIX вв., в том числе в контексте державинской традиции. Особое значение для исследования имеет концепция *диалога*, разработанная М.М. Бахтиным, поскольку литературная традиция рассматривается в работе как диалогическая интенция, продуцирующая акт сознательного взаимодействия двух творческих субъектов.

Степень научной разработанности проблемы:

Впервые вопрос о рецепции державинского наследия Тютчевым-лириком подняли Ю.Н. Тынянов, который видел влияние Державина в «художественной форме *фрагмента*»¹, т.е. «попытке удержать монументальные формы “догматической поэмы” и “философского послания”»², и Л.В. Пумпянский, указавший на то, что в лирике Тютчева «германская метафизическая система

¹ Тынянов Ю.Н. Вопрос о Тютчеве. С. 42.

² Там же. С. 48.

парадоксальным (на первый взгляд) образом сочетается в ней с литературной школой Державина»¹. Державинская традиция, по мнению Пумпянского, проявилась в лирике Тютчева колоризмом, а также сложными прилагательными, которые в лирике обоих поэтов часто «составлялись» парадоксальным способом, образуя антитетичное или оксюморонное сочетание.

Исследования, в которых авторы непосредственно обращались к проблеме «Державин и Тютчев», относительно немногочисленны. В 1974 году вышла одноименная статья М.Н. Дарвина «Державин и Тютчев», где, полемизируя с Е.А. Майминым, автор справедливо утверждает, что «Державин привлек Тютчева не только философской проблематикой»². К.А. Афанасьева в статье ««Одизм» или «трагизм»? Размышления на тему «Тютчев и Державин»» (1995) спорит с привычным подходом к творчеству Тютчева как к «амальгаме цитат». Автор подвергает сомнению ставшее классическим утверждение Ю.Н. Тынянова, что тютчевский «фрагмент» генетически связан с одой, прежде всего державинской, и утверждает, что «риторика и идея возвышенного»³ выводятся в лирике Тютчева не из оды, а из античной трагедии.

В центре внимания литературоведов до настоящего времени остается проблема влияния державинской традиции на *жанровый состав* поэзии Тютчева. Поиски Тютчевым-лириком таких стратегий в ситуации утраты первичного жанрового контекста не в последнюю очередь были обусловлены рецепцией, развитием державинских открытий, а иногда и полемикой с ними, о чем писали К.А. Афанасьева, М.Н. Дарвин, И.Б. Непомнящий, П.Н. Толстогузов⁴ и др. В 2007 году вышла монография С.А. Васильева, посвященная стилевой традиции Державина в русской литературе. В числе прочего исследователь акцентирует

¹ Пумпянский Л.В. Поэзия Ф. И. Тютчева // Урания. Тютчевский альманах. 1803–1928. Л.: Прибой, 1928. С. 36.

² Дарвин М.Н. Державин и Тютчев // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 1. Л.: ЛГПИ, 1974. С. 150.

³ Афанасьева К.А. «Одизм» или «трагизм»? Размышления на тему «Тютчев и Державин» // Тютчев сегодня : материалы IV Тютчевских чтений / под ред. Е.Н. Лебедева. М. : Изд-во Лит. ин-та, 1995. С. 81, 83.

⁴ См.: Афанасьева К.А. «Одизм» или «трагизм»? Размышления на тему «Тютчев и Державин». С. 80–97; Дарвин М.Н. Державин и Тютчев. С. 149–157; Непомнящий И.Б. Лирика Ф.И. Тютчева и вопросы интертекста. С. 45–63; Толстогузов П.Н. Лирика Ф.И. Тютчева: поэтика жанра : дисс. ... д. филол. наук. М.: МПГУ, 2003. С. 66–78.

значение этой традиции для творчества Тютчева, утверждая, что это «особая и яркая страница традиции стиля Державина»¹.

Изучаемая проблема располагается на границе двух, несомненно, связанных друг с другом областей литературоведения: исторической поэтики и компаративистики. Первая ставит перед нами задачу уточнить дефиницию «литературная традиция» в отношении творческого наследия Державина, вторая – сопоставить черты поэтики двух художников слова: Державина и Тютчева. Базовая дефиниция работы – *державинская традиция*, несмотря на многочисленные исследования в этой области, нуждается в уточнении. В нашем понимании, *державинская традиция – это комплекс устойчивых признаков жанрово-стилевого синтеза как основного принципа державинского миромоделирования, эксплицитно или имплицитно функционирующих в художественной системе автора-реципиента*. Наиболее яркими и узнаваемыми ее признаками являются принципы живописности, театральности и колоризма; склонность к изображению феноменологических объектов в природе и социуме; словотворчество, выразившееся в сложных окказиональных прилагательных и так называемых «мнимых неправильностях»; прием словесно-композиционных повторов.

Державинская традиция начала оформляться еще при жизни поэта. Б.С. Мейлах, Г. Вытженс, Е.А. Маймин² и др. отмечали влияние Державина на творчество поэтов I-й трети XIX века: Н.М. Языкова, П.А. Вяземского, А.С. Хомякова, С.П. Шевырева. Оживление интереса к творчеству «певца Фелицы» в начале XX века обострило внимание исследователей к этому вопросу и позволило выявить новые ее черты. Творческой рецепции поэзии Державина посвящены работы М. Вайскопфа, М.А. Гореловой, Ю.И. Минералова, И.З. Сермана И.П. Смирнова, Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума и др.

¹ Васильев С.А. Стилевые традиции Г.Р. Державина в русской литературе XIX – начала XX века. М.: Изд-во Лит. института, 2007. С. 7.

² См.: Мейлах Б.С. «Державинское» в поэтической системе Н.М. Языкова // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.–Л.: Наука, 1966. С. 353–358; Вытженс Г. П.А. Вяземский и русская литература XVIII века // Там же. С. 332–338; Маймин Е.А. Державинские традиции и философская поэзия 20–30-х годов XIX столетия. С. 127–143.

Державинская традиция – явление многообразное и комплексное, включающее философско-онтологический, антропологический, аксиологический и др. уровни, однако ее ядерный слой в сфере поэтики – жанрово-стилевой синтез, представляющий собой сочетание ранее изолированных жанров в пределах одного поэтического текста, взаимопроникновение и взаимовлияние жанрово-стилевых пластов. В настоящей работе державинская традиция исследуется с точки зрения ее воздействия на поэтику лирики Тютчева, что предполагает внимание к авторскому сознанию поэта, его жанротворчеству и идиостилю и соответственно определяет композиционную логику исследования. Философские воззрения обоих поэтов характеризуются именно в контексте этой основной проблемы.

Для решения поставленных задач был произведен отбор художественных текстов Тютчева, критерием которого было наличие в стихотворениях сигнальных знаков державинской традиции. С тем чтобы акцентировать новаторство Державина на фоне литературы второй половины XVIII века, в качестве литературного контекста использовались произведения М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, Я.Б. Княжнина, В.П. Петрова, Е.И. Кострова и др. Державинская одическая традиция ярко воплотилась в произведениях поэтов, чье творчество «питалось» философскими идеями их времени, «поэтов мысли», с произведениями которых (а нередко и с самими поэтами) был знаком Тютчев, что обусловило упоминание в настоящей работе произведений П.А. Вяземского, П.А. Баратынского и др. Литературный авторитет Н.М. Карамзина и поэтов-романтиков В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, основательное знакомство Тютчева с их лирикой также позволило включить их произведения в ближний контекст творчества Тютчева. И, разумеется, невозможно было говорить о русской литературе первой половины XIX века, не сопоставляя исследуемый материал с творчеством А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

Научная *новизна* диссертации обусловлена тем, что в ней художественное наследие Тютчева впервые системно и последовательно рассматривается в аспекте державинской литературной традиции и ее творческой рецепции.

Наиболее существенные *результаты* работы:

- впервые в отечественном литературоведении дано определение понятия «державинская традиция»;
- системно описаны формы художественной рецепции державинской традиции Тютчевым-лириком с точки зрения базовых категорий исторической поэтики: автор, жанр, стиль;
- выявлено значение державинской традиции для такого важного для лирики Тютчева художественного принципа, как циклизация;
- подробно рассмотрен в контексте державинской традиции релевантный для Тютчева принцип театральности;
- исследована композиционная роль эпитетов в художественных системах Державина и Тютчева.

Практическая значимость работы заключается в возможности её использования в научно-исследовательской, вузовской и школьной (преподавательской) практике: в научных изысканиях по проблемам литературной традиции и державинской традиции, в частности, в подготовке спецкурсов и спецсеминаров соответствующей тематики и проблематики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Державинская традиция является значимым фактором формирования лирической системы Тютчева. Авторское самоопределение поэта осуществлялось в результате творческого освоения художественного опыта Державина-лирика и диалектического преодоления его литературного авторитета.

2. Тютчев развил заложенный Державиным принцип театрализации в один из важнейших способов организации лирического топоса. Театральное зрелище или сон, видение как варианты удвоения реальности позволяют лирическому субъекту Тютчева прозревать то, что обычно скрыто от человеческого взора.

3. Воплощенная в поэзии Державина национальная модель культурной миссии поэта, которая заключается в том, что поэзия должна откликаться на проблемы современности, средствами художественного слова формиро-

вать общественное мнение и через него влиять на власть, получила продуктивное развитие в жизни и творчестве Тютчева.

4. Тютчев творчески усвоил державинский принцип расширения образительно-выразительных возможностей лирических жанров с целью изображения мира в его многообразной и противоречивой сущности. Так, тютчевские лирические тексты, типологически восходящие к жанру оды, в том числе державинской, утрачивают свою каноническую форму, но сохраняют риторическую установку для достижения дидактической цели.

5. Возникшие в процессе державинского жанротворчества лирические ансамбли сыграли роль прообраза лирических циклов Тютчева, которому оказались близки открытые Державиным факторы циклизации, такие как нарративность, персонажность, сквозные мифологические мотивы, словесные повторы.

6. Художественные открытия Державина, явившиеся результатом жанрово-стилевого синтеза в его произведениях, оказали существенное влияние на формирование идиостиля Тютчева, который унаследовал и развил такие конституирующие признаки державинского стиля, как словесные повторы, колоризм, а также эпитеты (в том числе сложные) в качестве композиционного фактора.

Материалы диссертации прошли *апробацию* при их обсуждении в ходе работы аспирантского семинара и на заседаниях кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета, кафедры русской литературы Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; в форме докладов на международных, всероссийских и межвузовских конференциях по литературоведческой проблематике в гг. Сургуте (2008, 2010, 2011, 2012, 2013), Москве (2013), Санкт-Петербурге, Екатеринбурге (2014).

Объем и структура исследования определяются его целью и задачами. Работа состоит из Введения, трех глав и Заключения. Библиография включает 272 источника.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение содержит обоснование актуальности темы работы, её новизны, практической значимости, в нём определяются цель и основные задачи, предмет и объект исследования, а также уточняется терминология. Последовательность расположения глав обусловлена аспектами исследования художественного материала, то есть лирических текстов Тютчева, испытавших влияние художественной системы Державина, в свете основных категорий поэтики.

Первая глава «Роль державинской традиции в процессе авторского само определения Ф. И. Тютчева» посвящена исследованию индивидуальных творческих интенций Тютчева в процессе формирования его авторского сознания, отношения к предшествующей культурной традиции и одновременно самоопределения, осознания собственной оригинальности.

В разделе 1.1 *«Литературный авторитет Державина и формирование поэтической индивидуальности Тютчева»* рассматривается процесс поисков начинающим поэтом индивидуальной жанровой стратегии. В раннем творчестве Тютчев ориентирован на известные произведения мировой литературы, но национальная литературная традиция стала определяющей в формировании авторского сознания поэта. Горацианская и пиндарическая ода в первых поэтических опытах Тютчева были непосредственно ориентированы на произведения Державина, воспринимаемые как образцовые, либо – в определенной степени – явились результатом творческой рецепции державинских переводов и переложений античных авторов.

В ранних одах «На Новый 1816 год», «Уrania» формируется тютчевская историософия и намечается мотив более поздней его лирики: повторяемость в Вечности круговорота времен, упорядоченность и неизбежность этого процесса приобретает вид Закона. Оду «На Новый 1816 год», испытавшую влияние «новоготских» од Державина, можно считать началом гражданственной лирики Тютчева: хаос наблюдается поэтом не в природе, а в общественной жизни че-

ловека. В философском стихотворении «Всесилен я и вместе слаб...» очевидны реминисценции из державинских од «Фелица» и «Бог».

Если в ранней лирике Тютчев использовал цитаты и реминисценции из хорошо ему известных и авторитетных текстов поэта (например, в «Приглашении Горация к Меценату» Тютчев имплицитно ориентировался на державинский перевод 29-й оды *Carmina* III Горация), то позднее державинские ассоциации проявились в космичности мироощущения, восприятии мира как единства противоположностей, в антиномичности – противопоставлении «вечного» и «мгновенного», ничтожности человеческого бытия и его величия. Мысли, которые выразил Тютчев в ранних подражательных одах, позже становятся частью его поэтической онтологии, но диалог с лирикой Державина продолжается в течение всей творческой деятельности Тютчева. Это подтверждает сопоставление последнего стихотворения Державина «Река времен...» и «Смотри, как на речном просторе...» (1851) Ф.И. Тютчева, в которых обнаруживаются композиционные, образные, пространственно-временные аналогии, что позволяет сделать вывод о сознательной творческой рецепции Тютчевым-лириком державинской поэтической традиции. Державин объясняет: все пожирается «вечности жерлом», исчезает, но человек, способный это осмыслить, велик и бессмертен. В полной мере это относится и к стихотворению Тютчева. Как бы ни было тщетно «обольщенье» ума человеческого заглянуть в «бездну роковую», сами эти попытки свидетельствуют о грандиозности такого желания. «Смертной мысли водомет» делает человека существом трагически великим. «Вечности жерло», «пропасть», «бездна», «мета» в обоих стихотворениях не обязательно являются эвфемизмами смерти. «Судьба» в стихотворениях обоих поэтов может быть понята не как «конец», уход в небытие, а скорее, как процесс перехода в инобытие, что позволяет им преодолеть ощущение безнадежности.

Художественный мир Державина и Тютчева строится по преимуществу с помощью визуальных образов, а лирический субъект воспринимает мир как зрелище, обладающее признаками театральности. Тютчевская рецепция этой особенности художественной системы Державина исследуется в разделе 1.2.

«Мир как зрелище в лирике Державина и Тютчева». Театрализация стала одним из принципов художественного мышления Державина, который в одах, посвященных венценосным особам, окружал лирический объект подобающими ему «декорациями», что отчасти давало возможность «истину <...> с улыбкой говорить», наставлять в духе театра эпоха Просвещения. Представление мира в виде картин позволяло автору делать широкие обобщения, совершать экскурсии в историческое прошлое, использовать мифологические коды для выражения авторского отношения к событиям и лицам. Умение Державина описать («На взятие Измаила», «На переход Альпийских гор», «Колесница», «Фонарь» и т.д.) значимые исторические события как зрелище, театральное представление породило традицию, которую восприняли многие из его младших современников (К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский, Е.А. Баратынский и др.). Но наиболее последовательно эта особенность индивидуального авторского сознания выразилась в лирике Ф.И. Тютчева. Например, в стихотворении «Неман», описывая передвижение французских войск, поэт использует театральную эстетику парада, что позволяет ему выразить негативное отношение к происходящему.

Возможно, имплицитные поиски «сцены», на которой разворачивалось бы действие, в природе или в социуме, объясняют пристрастие и Державина, и Тютчева к феноменологическим, а значит, ярким, зрелищным явлениям в природе (грозе, радуге и т.п.) и катастрофическим событиям в общественной жизни (войне, революции). Еще Л.В. Пумпянский впервые отметил перешедшее к Тютчеву от Державина «пристрастие <...> к отражению, к пейзажу, отраженному в воде»¹. Поэтические описания удвоения реальных объектов благодаря способности воды, или зеркала, или металла, или человеческих глаз отражать свет послужили, на наш взгляд, предпосылками возникновения таких важных для художественного мира обоих поэтов принципов, как живописность и театральность. В стихотворениях Тютчева «Утро», «Полдень», «Снежные горы», «Сон на море» и др. объектом наблюдения становится не сам предмет, а его свойство, «отблеск», двойник, проекция: «Внизу, как зеркало стальное / Сине-

¹ Пумпянский Л.В. Поэзия Ф. И. Тютчева. С. 47.

ют озера струи»¹; «Тот же месяц, но живой, / Дышит в зеркале Лемана...» [ФТ I, 92] и т.д.

Эстетизация действительности с помощью использования в произведении словесности элементов театральности была одним из способов «очеловечить» мировой Хаос, придать ценностный смысл действиям человека в каждый момент его земного бытия. Переживание жизни как грандиозного спектакля, участником или зрителем которого является человек, стало признаком художественного мира Державина и было творчески воспринято Тютчевым. «Человек на исторической сцене», противостоящий обыденности, его творческий потенциал были в центре внимания обоих поэтов.

В параграфе 1.3. «*Державин и Тютчев: поэты и государственники*» рассматриваются авторские стратегии Державина и Тютчева в диалоге с властью, который в России никогда не велся с позиций равенства участников. Поэтому становление общественной функции русской литературы происходило, с одной стороны, в борении за право писателя на свое мнение, за то, чтобы, отстаивать свою гражданскую и поэтическую позицию, с другой – за право быть услышанным, повлиять на монаршие решения. И если официальное обращение к государю было Тютчеву «не по чину», то обращение поэтическое вполне могло дойти до адресата. Политическая лирика Тютчева – это тот язык, на котором поэт мог говорить с властью. В этом смысле Тютчев стал преемником Державина с его «забавным слогом», который пришелся весьма кстати в царствование Екатерины II.

Откликаясь на разные по времени и масштабу события российской и европейской истории, Державин и Тютчев источник политических катастроф видели в своеволии человеческого разума и, как следствие, духовном оскудении целых народов. Оба поэта верили в особую миссию России, которая должна восстановить в Европе справедливость и власть закона. Другая сила – Революция – противодействует ей, как вера противостоит безверию.

¹ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Письма : в 6 т. Т. 1. / гл. ред. Н. Н. Скатов. М. : Классика, 2002. С. 12. Далее все ссылки на это издание приведены в тексте в квадратных скобках с указанием инициалов автора. Римская цифра обозначает том, арабская – страницу.

У одописцев XVIII века, и Державина в том числе, историческое время предстает не дискретным, а связанным духовными нитями с предшественниками, «пращурами». Для Тютчева такое жанровое одическое видение исторического времени весьма характерно, поскольку, исходя из общего прошлого славянских народов, поэт видит в будущем общеславянскую державу с центром в Москве. После анализа державинской оды «Тоска души» польским поэтом-романтиком Адамом Мицкевичем, в котором тот подчеркивает, что Державин интерпретирует понятие «душа» не так, как в Западной Европе, а в общеславянском смысле, Тютчев откликнулся стихотворением «От русского по прочтении отрывков из лекций г-на Мицкевича» (1842), где продолжает мысль Державина о том, что родство языков связывает Словом славянские народы гораздо крепче, чем усилия политиков.

В раздумьях о судьбах России, Человека и человечества в полной мере проявилось авторское сознание Тютчева. При этом он находился в постоянном творческом диалоге с предшественниками и современниками.

Вторая глава называется «**Лирические системы Державина и Тютчева в контексте жанровой динамики русской поэзии Нового времени**». Параграф 2.1. озаглавлен «*Одическая традиция в лирике Тютчева*». В статье «Ода как ораторский жанр» Ю.Н. Тынянов говорит о роли Державина в разрушении канона «торжественной оды», но сохранении и развитии ее в качестве «старшего» жанра за счет закрепления за одой основной речевой функции – *риторической установки*. В работе уточняется этот тыняновский термин, под которой мы понимаем имплицитное или эксплицитное стремление художника использовать «готовое» слово с дидактической целью.

В своей поэтической практике Державин время от времени перестает пользоваться «готовым» словом, нарушает риторические условности с целью более точного воплощения авторского замысла. Поэтому в его лучших одах: «Фелица», «Ключ», «Водопад», «Евгению. Жизнь Званская», «На смерть князя Мещерского» и др. – сочетаются черты разных жанров: например, оды и элегии, или послания и оды, или оды и эпитафии. Такой жанровый синтез характерен и

для лирики Тютчева, а речевая риторическая установка является тем самым «переключателем» жанровых регистров, которые сосуществуют в поэзии Державина и Тютчева. Например, в стихотворениях «На смерть князя Мещерского» Державина и «О чем ты воешь, ветр ночной?» Тютчева ужас («трепет естества и страх»), который по силе чувства может восприниматься как обратная сторона одического восторга, и элегическая печаль («мы только плачем и зываем», «дух мятется от печали») парадоксально сочетаются у обоих поэтов. Стихотворение Тютчева «Сижу задумчив и один» начинается вполне элегически: задумчивость, слезы, тоска, уныние – эти «слова-сигналы», интимная обстановка («потухающий камин») позволяют безошибочно атрибутировать жанр. Но вторая строфа звучит как горацианская (по теме) и державинская (по стилю) ода: «Былое – было ли когда? / Что ныне – будет ли всегда?..» [ФТ I, 165]. Меняется и предмет размышлений лирического субъекта: это не индивидуальное, а общечеловеческое «былое», а в его рассуждениях имплицитно возникают хорошо знакомые метафоры – так опытный оратор использует в речи «аргументы к авторитету». «Злак земной» апеллирует к притчам Иисуса, а «темное жерло» вызывает многочисленные реминисценции из державинских од.

В тютчевской лирике имеются особенности, генетически связанные с искусством красноречия: вопросы, восклицания, традиционная фразеология. Ода как «старший» жанр возродилась в лирике Тютчева, по словам Н.Л. Лейдермана, «в ответ на “зовы времени”»¹, черпая изобразительно-выразительные средства из одической традиции. Но если в классической оде (в т.ч. оде Державина) приемы ораторского искусства были признаками, имманентно присущими жанру, то у Тютчева они становятся стилеобразующими факторами. Тютчевская риторика особенно заметна в его политических произведениях. В стихотворении «Как дочь родную на закланье...» Тютчев пытается оправдать сомнительное с точки зрения «другого» политическое действие – взятие Варшавы армией

¹ Лейдерман Н.Л. Теория жанра : научное издание. Екатеринбург : УрГПУ, 2010. С. 331.

Паскевича после польского восстания 1831 года – и строит свою «оправдательную речь» в полном соответствии с риторической установкой, применяя приемы античной риторики в качестве «готового» слова.

Таким образом, можно видеть сближение позиций Державина и Тютчева в отношении риторической традиции, хотя векторы этого сближения противоположены. В стремлении сделать истинное убедительным оба поэта пользовались «готовым» словом, однако Державину для этого было нужно передать единичное и даже случайное в жизни через индивидуальное авторское видение, Тютчев же, наоборот, сквозь акциденцию видел общие закономерности и передавал их с помощью «готового» слова, которое предоставлял ему жанр оды.

В параграфе 2.2. *«Державинские принципы лирической циклизации в творческой рецепции Тютчева»* внимание сосредоточено в основном на т.н. несобранных циклах, которые, в отличие от авторских, возникают спонтанно и воспринимаются как единство исключительно в процессе читательского восприятия и литературоведческого анализа.

В творчестве Державина нет авторских циклов в строгом смысле этого слова, однако некоторые произведения группируются в серии, поскольку при этом образуется смысловой контекст, обусловленный единством темы, лирического объекта или того и другого и возникновением сквозного лирического сюжета, имеющего межтекстовую природу.

Л.В. Пумпянский в статье «Поэзия Ф.И.Тютчева» (1928) называет циклизацию «методом Тютчева» на основании наличия в тютчевской лирике множества повторений, дублетов. Такие «дублеты», будучи узнаваемым признаком лирики поэта, способствуют образованию внутри корпуса его произведений ансамблей, которые в читательском восприятии предстают как лирические циклы. В поэзии Тютчева есть произведения, которые, по нашему мнению, обладают признаками несобранного цикла. Например, это стихотворения, героем которых является Наполеон. Сравнивая оды Державина о Суворове («На победы в Италии», «На переход Альпийских гор», «Орел» и «Снигирь») с «наполеоновскими» стихотворениями Тютчева, можно говорить об их преемственной типоло-

гической связи как несобранных лирических циклов. При этом мы имеем в виду не только обстоятельство, что в центре обоих циклов – один герой, но, прежде всего, открытые Державиным принципы объединения разных стихотворений: поступательное движение лирического сюжета, когда события или впечатления, ими вызванные, следуют «одно за другим», как в реальной жизни; развитие одной и той же темы или наличие одного героя в стихотворениях, написанных в один и тот же небольшой период времени и/или помещенных в сборнике рядом; использование мифологических образов в нескольких произведениях; возникновение между произведениями различных логических связей; наличие «начала» и «конца» не только отдельных произведений, но и их объединенного в цикл «множества» в читательском восприятии, что связано, очевидно, и с художественными особенностями стихотворений, и с внелитературными факторами, чаще всего с судьбой героя или отношением автора к герою; разнообразные словесные повторы как объединяющий композиционный принцип.

В третьей главе диссертации **«Развитие стилевых открытий Державина в лирике Тютчева»** дается характеристика стилевого воплощения мирообраза поэта в художественном тексте.

Раздел 3.1. называется *«Повтор как стилеобразующий принцип в лирических системах Державина и Тютчева»*. Принцип многократного повторения образов, идей, отдельных слов позволяет рассматривать творчество Тютчева как единый текст. Поэт развил открытые Державиным возможности использования повторов не только в композиционной, но и в эмфатической функции. В его лирике различные виды повтора (анафора, подхват, повтор однокоренных лексем и т.д.) выполняют, кроме дополнительной и уточняющей, и другие функции. С помощью повторов отдельных слов или уточнения повторяющихся лексем поясняющими словами возникают амплификация или антитеза, не существующая вне контекста. Например, в стихотворении «Пророчество»: «Пади пред ним, о царь России, – / И встань – как всеславянский царь!» [ФТ II, 14] – благодаря противопоставленным глаголам (пади – встань) и распространению ключевой лексики («царь России» – «всеславянский царь»), слово «царь» пара-

доксально образует антитезу самому себе. Приведем и обратный пример, когда контекст стихотворения снимает антитезу: «Какой театр! Как всю вселенну, / Ядущих и ядому тварь, / За твой я вижу стол вмещенну¹ [ГД I, 734]. «Ядущи» и «ядомы» твари у Державина не противопоставлены, а уравнены как части вселенной, символом которой представлен дом (стол) Нарышкина.

«Будь *прав* или виновен он / Пред нашей *правдою* земною, / Навек он вышею рукою / В «цареубийцы» заклеямен [ФТ I, 175]. [Курсив мой. – С.Г.]. Благодаря повтору лексем «прав» и «правдою» возникает смысл, вне данного контекста не существующий: правота или виновность «цареубийцы» образуют семантически подобную пару и практически становятся синонимами в оппозиции к высшей правде.

Отдельно стоит упомянуть о таком виде повтора, как подхват (анадиплосис). Именно Державин ввел в поэтическую практику употребление подхвата в качестве приема, скрепляющего строфы в оде и стихи в одической строфе. Повторяющиеся слова или сочетания слов у Державина не обязательно замыкают предыдущую строфу и начинают следующую. Они также могут распространяться различными способами. Такой повтор выполняет прежде всего композиционную роль межстрофической скрепы, или эпанастрофы. Литературный авторитет Державина был настолько высок, что непривычный для русской поэзии прием начали использовать все чаще. В лирике Тютчева подобные повторы встречаются нередко. Например, лексема «костер» в стихотворении «Гус на костре» выступает в качестве символа страданий за убеждения (в том же значении, что и крест в христианской символике) и в данном случае выполняет не только роль межстрофической скрепы, но и роль эмфазы: «Вязанку дров, как лепту, на костер. / И на костре, как жертва / Пред закланьем <...> [ФТ II, 210].

Кроме того, повтор в художественной системе Тютчева используется как вариант «готового слова»: в том случае, если требуется усилить ключевое поня-

¹ Державин Г. Р. Сочинения. С объяснительными прим. Я. Грота : в 9 т. Т. II. СПб. : Издание Императорской Академии наук, 1866. С. 16–17. Здесь и далее все ссылки на это издание приведены в тексте в квадратных скобках с указанием инициалов автора. Римская цифра обозначает номер тома, арабская – страницы.

тие или вызвать необходимую эмоцию, повтор служит для усиления риторической эмфазы.

Сигнатурой державинского и тютчевского стиля стало использование колористических эпитетов и сложных прилагательных. Проблема рецепции Тютчевым поэтического опыта Державина в использовании таких лексем рассматривается в параграфе 3.2. *«Композиционная роль эпитетов в лирике Державина и Тютчева»*. Точность цветовых характеристик объектов у Державина поразительна, но живопись – это не только колорит, но и композиционное расположение цветовых «пятен», свет и тень, соблюдение законов перспективы (которые были известны в эпоху Державина). В одах «На взятие Измаила», «На возвращение графа Зубова из Персии» (где впервые в русской поэзии был создан «кавказский» пейзаж), «Ключ», «На выздоровление Мецената» и т.д. расположение цветовых «пятен» композиционно точно, как на живописной картине.

В лирике некоторых поэтов принцип колоризма, заложенный Державиным, получил дальнейшее развитие. Е.А. Баратынский воспринял от Державина колористический стиль, правда, смягчив яркость и контрастность красок. Цветовые эпитеты у Баратынского также выполняют композиционную функцию. В элегии «Осень», например, картина увядания, опустошенности создается в том числе с помощью колоризмов.

В творчестве Ф.И. Тютчева, лирический субъект которого воспринимает мир по преимуществу через «взгляд», «взор» (то есть зрительное восприятие у него является доминирующим, особенно если художественный мир произведения обладает пространственными характеристиками), цвету как одной из характеристик этого пространства принадлежит весьма значительное место.

Интересно, что Тютчев иногда прибегал к живописи для того, чтобы объяснить смысл своего произведения. Например, в письме Э. Тютчевой от 27 сентября 1857 г. он пишет о стихотворении «Неман»: «Это стихи, <...> навеянные Неманом. Чтобы их уразуметь, следовало бы <...> вспомнить картинки, так часто попадающиеся на постоянных дворах и изображающих это событие» [ФТ V, 133]. Можно предположить, что визуальные образы, реальные или умозри-

тельные, с заданным расположением объектов, колористикой и т. д. в какой-то степени помогают организовать художественный мир произведения.

Использование колоризмов позволяет Державину и Тютчеву создавать экфрастические описания, композиция которых соответствует принципам живописи: можно различить передний и задний план, цветовой центр картины и т.д.

Мирообраз Тютчева подчеркнуто антиномичен, и средством его создания нередко служат эпитеты, особенно цветковые; в таком случае композиция стихотворения становится антитетичной. Например, в стихотворениях «Сон на море», «Тени сизые смешались...», «Под дыханьем непогоды...» и др. изображаемый мир отчетливо делится на две части благодаря контрасту цветковых эпитетов и других колоризмов.

В использовании сложных прилагательных Тютчев, по мнению Ю.Н. Тынянова и Л.В. Пумпянского, также является учеником Державина¹, благодаря поэтической практике которого такие прилагательные уже укоренились в русском языке и русской поэзии ко времени становления Тютчева как поэта. Сложные эпитеты у Тютчева часто организуют композицию всего текста, когда одна часть композита противопоставлена другой, или играют роль временного разделителя. Сложные прилагательные соотносятся с художественным текстом как целым и играют роль временного разделителя, как в стихотворениях «Весна», «День и ночь» и др. В стихотворении «15 июля 1865 г.», посвященном памяти Е.А. Денисьевой, эпитет «блаженно-рокового» (дня) отражает композицию всего текста. Это воспоминание лирического субъекта о блаженстве встреч с возлюбленной, поэтому первая часть композита относится к прошлому. Однако в этом блаженстве уже зрело страшное, «роковое» будущее: «Быть до конца так страшно одиноку, / Как буду одинок в своем гробу» [ФТ II, 147]. В эпитете «блаженно-рокового», таким образом, отражена вся жизнь лирического субъекта, его прошлое и будущее. В некоторых случаях сложное прилагательное образует двухкомпонентный признак, который может актуализировать, в зависимости от контекста, то первый, то второй компонент значения, как в стихотво-

¹ См.: Тынянов Ю. Н. Вопрос о Тютчеве. С. 48; Пумпянский Л. В. Поэзия Ф. И. Тютчева. С. 40.

рении «Фонтан». «Огнецветная» пыль яркая, пылающая, оба корня композита имеют колористический характер. Этот эпитет противостоит первой части другого сложного эпитета – «незримо». Фонтан виден – мысль не видна, «незрима», однако вторая часть эпитета – «роковая» – объединяет обе части стихотворения. Таким образом, противопоставленные как видимое и невидимое, «фонтан сияющий» и «смертной мысли водомет» смиряются под «роковой дланью», которая их «свергает <...> с высоты» [ФТ I, 167]. Но части сложного прилагательного могут соотноситься и как антонимы, например, в послании «А.А. Фету»: «инстинкт пророчески-слепой». В таком случае композиционная роль такого прилагательного-эпитета возрастает. Подобную функцию сложные прилагательные выполняют в стихотворениях «Весна», «День и ночь» и др.

В Заключении подводятся основные итоги диссертационного исследования. Здесь, в частности, отмечается, что комплексный подход к изучению художественной системы Тютчева дал возможность выявить широкий литературный контекст его поэзии, в который входит и творчество Державина. Тютчевская рецепция художественного наследия Державина оказалась чрезвычайно плодотворной и повлияла практически на все аспекты творчества Тютчева: на авторское сознание, на жанр как способ миромоделирования и на стиль. Ядро этой традиции составляет мировидение Державина, которое явилось источником творческих интенций Тютчева и многих его современников.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

I. Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ:

1. Галян С.В. «Река времен...» у Г. Р. Державина и Ф. И. Тютчева // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2012. – Выпуск 1 (17). – С. 93–97.
2. Галян С.В. Державинское стихотворение юного Тютчева // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. – 2012. – № 5. – С. 146–151.

3. Галян С.В. Несобранные лирические циклы Г. Р. Державина и Ф. И. Тютчева // Известия Уральского федерального ун-та. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 7–17.
4. Галян С.В. Мир как зрелище в лирике Г.Р. Державина и Ф.И. Тютчева // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 6. – С. 56–64.

II. Другие публикации:

5. Галян С.В. Стихотворение Г.Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская» в 9 классе. Анализ поэтического текста // Сб. материалов региональной научно-практической конференции «IX Знаменские чтения: Актуальные проблемы образования и науки». – Сургут : РИО СурГПУ, 2010. – С. 64–68.
6. Галян С.В. Державин и Тютчев: к вопросу о творческой преемственности // Творческая индивидуальность писателя в контексте культурной традиции : сб. статей региональной научно-практической конференции с международным участием (23–24 ноября 2012 года). – Сургут : РИО СурГПУ, 2012. – С. 48–56.
7. Галян С.В. Раннее стихотворение Тютчева и проблема интертекста // Актуальные вопросы теории дискурса : сб. статей. – Прешов : Фило-софский ф-т Прешовского ун-та, 2013. – С. 138–148.
8. Галян С.В. Мифологические коды образа Наполеона в лирике Державина // Г.Р. Державин и его эпоха: сб. научных статей VI Всероссийской научной конференции филологического факультета / отв. ред. В.В. Молчановский, Е.К. Петривняя. – М. : Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2013. – С. 67–74.
9. Галян С.В. Композиционная роль составных эпитетов в лирике Г.Р. Державина и Ф.И. Тютчева // Словесное творчество: знак – образ – смысл: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 15–16 ноября 2013 г. – Сургут : РИО СурГПУ, 2013. – С. 30–36.